

Муретов М. Д. [Рец. на:] Мищенко М. Ф., проф. Речи св. ап. Петра в книге Деяний апостольских. Киев, 1907 // Богословский вестник 1911. Т. 1. № 2. С. 364—379 (2-я пагин.). (Начало.)

**Критическія замѣчанія ка книгу проф. В. И. Мищенко:
„Рѣчи св. Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“.
(Дѣян. 1—15 гл.).**

Дѣйствительный литературно - научный трудъ долженъ имѣть двоякую научную цѣнность: *безотносительную* и *относительную*.

Первая бываетъ: *матеріальною*, состоящею въ открытіи или привлеченіи и разработкѣ новыхъ матеріаловъ по извѣстному предмету, — и *формальною*, заключающеюся въ освѣщеніи предмета съ какихъ либо новыхъ сторонъ и въ обработкѣ его съ точки зрѣнія новыхъ идей. Въ томъ и другомъ случаѣ научный уровень труда долженъ опредѣляться степенью важности новыхъ матеріаловъ или новыхъ идей и сторонъ для научнаго постиженія изслѣдуемыхъ явленій.

Вторую можетъ дать труду обработка предмета для какихъ либо частныхъ цѣлей, на примѣръ, для научной систематизации уже разработанныхъ, но разбросанныхъ матеріаловъ по данному предмету, — для критической оцѣнки существующихъ мнѣній по извѣстному вопросу, — для обработки предмета научно-педагогической, энциклопедической, національной — для русской, на примѣръ, литературы и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ научная цѣнность труда, — кромѣ конечно самопредполагающихся — идейной добросовѣстности и научной методы, — опредѣляется наивозможною полнотою изслѣдованія данной темы.

Тема труда проф. Мищенко: „Рѣчи Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“, при современномъ состояніи богословской науки, допускаетъ возможность изслѣдованія какъ

безусловной такъ и относительной научной цѣнности. Будемъ говорить о той и другой.

I.

а) О новомъ освѣщеніи даннаго предмета, съ точки зрѣнія какой-либо новой богословской идеи или въ какой-либо новой исторической концепціи, въ книгѣ проф. Мищенко говорить конечно не приходится. Вѣдь авторъ написалъ свою работу для получения степени магистра *Православнаго Богословія*, жидущагося на неуклонномъ слѣдованіи началамъ живаго и непрерывнаго преданія Церкви Соборной (подробно о семъ въ моей книгѣ: „Э. Ренанъ и его жизнь Иисуса“ стр. 147 дал.). Притомъ творчество въ области идей есть дѣло личнаго таланта, выдвигающаго обладателей имъ уже за предѣлы обычнаго научнаго уровня. Поэтому предъявлять спросъ на эти таланты къ труженикамъ науки рецензенты права не имѣютъ.

Но и для православнаго богослова здѣсь есть одна сторона, весьма плодотворная въ научномъ отношеніи и вполне допустимая началами православія. Разумѣемъ изученіе и восстановленіе той идеологической почвы и того нравственно-психологическаго воздуха, въ какихъ долженъ былъ произрастать изслѣдуемый авторомъ предметъ. Вѣдь Ап. Петръ былъ живымъ и убѣжденнымъ благовѣстникомъ новой вѣры. Вѣдь и его слушатели были живыя лица, коимъ предстояла необходимость или принимать или отвергать это новоученіе. На какой почвѣ религиозно - нравственной происходила эта встрѣча стараго и новаго? Въ какое отношеніе къ прежнему, отъ отцевъ усвоенному, настроенію, становилось это новое откровеніе? Откуда эти—съ одной стороны „около трехъ тысячъ“ и „находились въ любви у всего народа“, и „Господь ежедневно прилагалъ спасаемыхъ къ церкви“, — а съ другой—въ тоже самое время „когда они говорили къ народу, къ нимъ приступили священники и начальники храмовой стражи и саддукеи, досадуя на то, что они учатъ народъ и проповѣдуютъ въ Иисусѣ воскресеніе изъ мертвыхъ,—и наложили на нихъ руки и заключили подъ стражу до утра“? Какое значеніе для успѣха первохристіанской проповѣди имѣли прозелитизмъ іудейскій (Корнилій), — іудейское разсѣяніе и язычество (апостольскій соборъ)?

Вообще—чаянія, идеалы и настроенія,—семейный, общественный и религіозный бытъ,—нравственно-психологическій воздухъ и богословско-идеологическая почва эпохи,—все это осталось за горизонтомъ научнаго изслѣдованія автора. Получились не живой историческій благовѣстникъ Евангелія и не живые историческіе послѣдователи и враги новой религіи, а отвлеченныя, внѣ времени, мѣста, народности, вообще внѣ исторіи стоящія лица, снятыя съ исторической почвы и историческаго воздуха и поставленныя, такъ сказать, во внѣисторическое пространство, безъ исторической перспективы и безъ историческаго воздуха. Слово за словомъ, стихъ за стихомъ, главу за главою, авторъ толкуетъ священный текстъ книги Дѣяній Апостольскихъ — по его вербальному смыслу и теологическому (иногда) значенію, не стараясь ни пріобщиться къ душѣ Благовѣстника, ни заглянуть въ сердца его слушателей,—какъ бы внѣ нравственно-религіозной индивидуальности ихъ, отрѣшенно отъ личностей, въ какомъ-то внѣвременномъ и внѣпространственномъ обобщеніи.

Такимъ образомъ авторъ не расширилъ своего изслѣдовательнаго горизонта дальше границъ обычнаго, уже вѣками установленнаго, постишнаго и поглавнаго комментарія на избранный имъ отдѣлъ книги Дѣяній Апостольскихъ, что могло бы сообщить его труду значительную долю безотносительной научной цѣнности.

Въ оправданіе автора надо указать на то, что и въ заграничной богословской наукѣ доселѣ пѣтъ такого, спеціально къ рѣчамъ Ап. Петра примѣненнаго, изслѣдованія ихъ. Тамъ разрабатывается эта сторона только въ обще-историческихъ трудахъ о Христѣ и Апостолахъ, а не въ комментаріяхъ къ повозавѣтнымъ писаніямъ. И знакомства съ этою литературою авторъ не обнаруживаетъ.

Впрочемъ у автора былъ подъ руками можно сказать главнѣйшій въ настоящее время трудъ по этой сторонѣ предмета, принадлежащій Шюреру. Изученіе этого труда по первоисточникамъ могло бы дать автору весь главнѣйшій матеріалъ для возстановленія и примѣненія къ толкуемому авторомъ мѣстамъ книги Дѣяній нравственно-религіознаго состоянія эпохи. Но это изученіе не только бы удвоило, а и утроило или даже учетверило бы и безъ того весьма об-

ширный трудъ г. Мищенко. И мнѣ думается, рецензентъ можетъ здѣсь только желать, а не требовать.

б) Кроме того для новаго уясненія и точнѣйшаго раскрытія связи рѣчей Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ съ личностью этого апостола наука въ настоящее время имѣетъ весьма не мало новыхъ, требующихъ изслѣдованія, матеріаловъ и открываетъ новые горизонты къ освѣщенію этого предмета.

Признаніе подлинности книги Дѣяній Апостольскихъ самымъ сильнымъ представителемъ современнаго научно-теологическаго рационализма Адольфомъ Гарнакомъ,—съ научно-объективной точки зрѣнія открываетъ необходимость новой научной провѣрки, точнѣе новаго углубленія вопроса о принадлежности Ап. Петру двухъ каноническихъ посланій, причемъ непристрастный изслѣдователь теперь долженъ считаться съ возможностью брать для сего исходную точку уже не изъ перваго посланія, какъ было доселѣ, но и изъ второго (ср. Deissmann, *Bibelstudien*, Marburg, 1895, S. 277—284), даже изъ рѣчей Апостола въ книгѣ Дѣяній. Говоря иначе: современный изслѣдователь для изученія литературной стороны личности Апостола Петра долженъ брать въ полной цѣлостности всѣ эти каноническія памятники, содержащія рѣчи и писанія съ именемъ Апостола.

Затѣмъ Дѣеписатель, и по утверженію автора (стр. 17, прим. 354), не былъ самовидцемъ описываемыхъ въ первыхъ пятнадцати главахъ книги событій и непосредственнымъ слушателемъ сообщаемыхъ здѣсь рѣчей,—въ частности рѣчей Ап. Петра. Отсюда является необходимость для современнаго изслѣдователя, съ возможною точностью, при помощи всѣхъ средствъ современной науки, установить литературное отношеніе Дѣеписателя къ этимъ рѣчамъ. А для сего надо подвергнуть ихъ всестороннему сравненію: во 1-хъ, съ собою самими—для опредѣленія ихъ литературной индивидуальности,—и во 2-хъ, съ литературными отдѣлами книги, явно принадлежащими самому Дѣеписателю и съ рѣчами другихъ лицъ въ этой книгѣ—діакона Стефана и Апостоловъ—Іакова и Павла,—и въ 3-хъ, такъ какъ апостоламъ Іакову и Павлу, кроме рѣчей въ книгѣ Дѣяній, принадлежатъ еще и написанныя ими литературныя произведенія—посланія, то и съ этими послѣдними.

Наконецъ для полноты и объективности изслѣдованія, современному работнику, кромѣ каноническихъ источниковъ, предстоитъ надобность сравнительнаго изученія и внѣканоническихъ и апокрифическихъ памятниковъ, содержащихъ какъ рѣчи, такъ и цѣлыя литературныя произведенія съ именемъ Ап. Петра: Евангеліе, Апокалипсисъ, Литургія, рѣчи въ апокрифическихъ актахъ и древне-еврейскіе синагогальные пійютимы (молитвы въ стихотворной формѣ на древне-еврейскомъ языкѣ). Современный изслѣдователь, если онъ претендуетъ на научность или, что тоже, на объективное безпристрастіе, не долженъ произвольно опредѣлять границы своей работы только ему удобнымъ и ему сподручными областями. Наука возлагаетъ на него обязанность—и эти области опредѣлять только на основаніи строго научныхъ данныхъ и всесторонняго изслѣдованія оставляемыхъ имъ за бортомъ своей работы источниковъ.

Особенную цѣнность этому расширенію изслѣдовательнаго поля для научной обработки могутъ дать источники или традиціи восточно-семитическія. Дѣло въ томъ, что въ эпоху первохристіанства сравнительно тогда еще молодые западно-европейскіе народы—греки и римляне, какъ и вообще молодость каждаго человѣка, въ своихъ переживаніяхъ и усвоеніи христіанскихъ идей, были склонны къ значительному субъективизму и творчеству фантазіи въ апокрифическихъ переработкахъ какъ письменныхъ источниковъ такъ и преданій. Напротивъ, уже сравнительно тогда старыя, восточно-семитическія народности характеризуются свойственными старости консервативностью, приверженностью къ старинѣ и вѣрностью традиціи. Между тѣмъ какъ въ апокрифахъ западно-европейскаго происхожденія мы постоянно встрѣчаемся съ фантастическими искаженіями дѣйствительности и явно легендарными измышленіями,—традиціи происхожденія восточно-семитическаго на пространствѣ многихъ вѣковъ, въ самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ памятникахъ, съ удивительнымъ постоянствомъ и буквальною точностью, воспроизводятъ какіе-либо историческіе факты или изреченія извѣстныхъ лицъ. Должно, кажется, принять за общее и руководственное правило, что восточно-семитическія преданія всегда могутъ содержать въ себѣ долю историчности и потому от-

нюдь не заслуживаютъ выбрасыванія за бортъ науки безъ предварительнаго и основательнаго ихъ изслѣдованія.

Такимъ образомъ для изслѣдованія „рѣчей Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“, при современномъ состояніи науки, должны быть обработаны слѣдующія темы: а) литературная индивидуальность этихъ рѣчей,—б) сравненіе ихъ съ литературными отдѣлами, явно принадлежащими св. Лукѣ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и въ третьемъ Евангеліи,—в) отграниченіе литературныхъ особенностей этихъ рѣчей отъ рѣчей, принадлежащихъ другимъ лицамъ, въ Евангеліи и Дѣяніяхъ—Спасителю, Крестителю, Стефану, Іакову, Павлу др.,—г) особенно—сравненіе ихъ съ новозавѣтно-каноническими писаніями Ап. Петра—двумя посланіями,—и д) наконецъ—сравнительное съ каноническими изслѣдованіе въ католическихъ и апокрифическихъ памятниковъ, содержащихъ рѣчи и писанія съ именемъ Ап. Петра: евангеліе, апокалипсисъ, литургія, акты и древне-еврейскія синагогальныя пѣніи. Только сравнительное изученіе всѣхъ этихъ памятниковъ можетъ сообщить современному изслѣдованію рѣчей Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ безусловную научную цѣнность.

Такой безусловной цѣнности научной книга проф. Мищенко не имѣетъ и научнаго вклада въ этомъ смыслѣ не представляетъ. Разбросанная по книгѣ полемика автора противъ Тюбингенцевъ (Баура, Целлера др.), въ настоящее время (особенно послѣ трудовъ Цана и Гарнака) уже потерявшихъ всякое научное значеніе по отношенію къ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ,—мимоходныя указанія лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе бросающихся въ глаза, совпаденій какъ въ общемъ содержаніи такъ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ между рѣчами Ап. Петра въ Дѣяніяхъ и посланіями Апостола, особенно первомъ,—кое гдѣ имѣющіяся, отрывочныя сравненія стиля рѣчей Ап. Петра съ стилемъ самого Дѣписателя,—наконецъ нѣсколько общихъ замѣчаній на 22-хъ страницахъ (333—354 стр.) объ особенностяхъ богословія и стиля рѣчей Ап. Петра:—вотъ все, что даетъ авторъ въ своей книгѣ (XIII+354 ст.) по столь сложному, весьма обширному и чрезвычайно важному въ наукѣ предмету своего труда. Не говоря уже о всей книгѣ, посвященной обычному, пословному толкованію какъ рѣчей Ап. Петра, такъ и,

сообщаемыхъ Дѣписателемъ, историческихъ обстоятельствъ ихъ произнесенія,—нарочно этому предмету посвященная, заключительная маленькая трактация (22 страницы, изъ коихъ первыя 17 страницъ трактуютъ объ особенностяхъ богословія Ап. Петра, а остальныя 5—о стилѣ Апостола) ограничивается только индивидуальной характеристикой богословія и стиля Ап. Петра, построенною на основаніи самаго общаго сравненія рѣчей Ап. Петра съ стилемъ рѣчи Дѣписателя и съ 1-мъ посланіемъ преимущественно, а со 2-мъ отчасти и условно, при условіи его подлинности. Между тѣмъ, не говоря уже о 2-мъ посланіи, по отношенію къ подлинности, со стороны критерія внутреннихъ признаковъ, для безпристрастнаго изслѣдователя, стоящему нисколько не ниже 1-го посланія (ср. 3, 15—16),—самаго тщательнаго и широкаго использованія для характеристики вѣроученія и стиля Апостола заслуживало бы ближайшее сравненіе рѣчей Ап. Петра въ Дѣянїяхъ съ рѣчами другихъ лицъ книги—Стефана, Іакова, Павла (особенно 13 гл.), а также съ посланїями этихъ апостоловъ.

Притомъ и характеристику Ап. Петра и его рѣчей авторъ даетъ слишкомъ общую и внѣшнюю. Онъ останавливается преимущественно только на рѣзко выраженныхъ и съ перваго раза бросающихся въ глаза особенностяхъ стилистики рѣчей. Но вѣдь именно эти то особенности всего легче поддаются поддѣлкѣ. Напротивъ, чѣмъ интимнѣе и незамѣтнѣе особенности,—чѣмъ тѣснѣе и глубже связаны онѣ съ психикою писателя,—чѣмъ микроскопичнѣе вскрыта сама эта психика писателя,—тѣмъ болѣе твердая основа получается для научной критики литературныхъ памятниковъ и для рѣшенія вопросовъ объ ихъ авторахъ. Говоря образно: авторъ набросалъ только штрихи, но картины не нарисовалъ,—онъ даетъ только внѣшнее описаніе предмета, но не внутреннее микроскопическое изслѣдованіе его.

Доказательства:

Въ числѣ характерныхъ особенностей богословія рѣчей Ап. Петра авторъ указываетъ:

а) Воскресеніе Господа, которое Апостолъ „всегда усвояетъ, какъ виновнику и первопричинѣ, не самому Іисусу Христу, а Бѣгу... Онъ воскресилъ Его, вознесъ на небо (стр. 340)... Доказательствами, что Іисусъ изъ Назарета есть

Христось, въ рѣчахъ Ап. Петра служатъ... особенно-пора- зительные факты воскресенія Его, вознесенія на небо и из- ліянія Имъ даровъ Св. Духа... Въ ряду этихъ доказательствъ Ап. Петръ особенное значеніе придаетъ воскресенію Г. І. Христа. Благовѣстіе о воскресеніи составляетъ централь- ный пунктъ рѣчей Апостола,—призваніе Апостольства онъ полагаетъ въ томъ, чтобы быть „свидѣтелю воскресенія“ (стр. 341).

Нужно ли говорить, что въ такомъ общемъ видѣ всѣ эти разсужденія автора приложимы рѣшительно ко всѣмъ первохристіанскимъ благовѣстникамъ? Достаточно указать на 1 Кор. 15, 15—17 ср. 1 Кор. 6, 14 Ефес. 1, 11—14. 20,— 4, 7 ср. Филипп. 2, 6—11,—1 Тим. 3, 16,—Тит. 3, 4—6 др. мн. Дѣян. 13, 37,—Іоан. 1, 1—2, Иоан. 7, 39 др. мн.

б) „Идея Божественнаго предвѣдѣнія и предустановленія весьма видное мѣсто занимаетъ въ ученіи Ап. Петра... Са- мый терминъ *πρόρωςις* кромѣ рѣчей и посланія Ап. Петра (Дѣян. 2, 23; 1 П. 2, 20) въ Новомъ Завѣтѣ нигдѣ больше не встрѣчается“ (стр. 237).

Терминъ—да. Но идея присуща также всѣмъ новозавѣт- нымъ писателямъ, особенно Ап. Павлу Рм. 8, 29 и 11, 2 (*προέγνω*—ср. 1 П. 1, 20, 2 П. 3, 17), 1 Кор. 2, 7,—Еф. 1, 5. 11. (*προορίζειν*),—Рм. 9, 11 Еф. 3, 11,—2 Тим. 1, 9 (*προόθεσις*), въ частности по отношенію ко Христу Спасителю ср. Римл. 1, 2—5; 3, 25,—4, 24—25,—Ефес. 3, 11,—Евр. 10, 7 и т. д. Также ср. рѣчи діак. Стефана Дн. 7, 6 и ап. Іакова Дн. 15, 18.

в) „Другую характерную черту благовѣстія Ап. Петра со- ставляетъ связь ученія его съ Ветхимъ Завѣтомъ... Отмѣ- ченная черта рельефно выступаетъ въ посланіяхъ Ап. Пе- тра. Онъ освѣщаетъ христіанство главнымъ образомъ со стороны связи его съ Ветхимъ Завѣтомъ, поскольку въ немъ осуществились ветхозавѣтныя предсказанія и чаянія“ (стр. 337).

Однакожь и здѣсь, въ отношеніи собственно къ идей- но-богословской сторонѣ, тѣми же самыми словами можно говорить и о евангеліяхъ Матѳея и о посланіяхъ Ап. Павла, особенно къ Евреямъ, частью о евангеліи Іоанна, а также о рѣчи Іакова Дн. 15, 15—17. Другое дѣло „претворенія“ вет- хозавѣтно-библейскихъ выраженій въ собственный стиль пи-

сателя“ стр. 339 прил. 2), какъ интимно-психологическая особенность стиля Ап. Петра.

г) Въ ученіи о лицѣ Иисуса Христа авторъ, между прочимъ, отмѣчаетъ (на стр. 343—344): „будучи потомкомъ отъ стѣмени Авраама и чреслъ Давида (но ср. въ евангеліи Мтѣ. родословіе, особенно 1, 1,—21, 9,—22, 42 сл. и паралл., также отчасти Іоан. 7, 42,—Рм. 1, 3,—Гал. 3, 16,—Евр. 2, 16,—2 Тим. 2, 8,—Апок. 22, 16), онъ „мужъ отъ Бога“ (но ср. выше пунктъ о предустановленіи), „святый“ (но ср. Мрк. 1, 24, Лк. 4, 34 Ін. 6, 69), „праведный“ (но ср. Матѣ. 27, 19. 24,—Лук. 23, 47,—Рм. 3, 26,—2 Тим. 4, 8,—Іак. 5, 6,—І Ін. 1, 9,—2, 1,—29,—3, 7,—Апок. 16, 5), „отрокъ“ (но ср. Мтѣ. 12, 18 и *αἰδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων* с. IX—X), „помазанный Духомъ Святимъ (но ср. Лук. 4, 18 и Евр. 1, 9—въ цитатахъ изъ Ветхаго Завѣта), „краеугольный камень“ (но ср. Мтѣ. 21, 42,—Мрк. 12, 10,—Лук. 20, 17—18, особенно Римл. 9, 32—33, 1 Кор. 3, 11,—Еф. 2, 20), „домостроительства“ (но см. Мтѣ. 10, 25,—16, 18,—20, 1,—21, 33,—Лк. 14, 21,—1 Кор. 3, 9. 12,—14, 5. 12. 20,—2 Кор. 5, 1,—Ефес. 1, 10,—2, 21,—3, 2. 9,—4, 12—16,—Колос. 1, 25,—1 Тим. 1. 4), „спаситель“ (но см. Лк. 2, 11,—Ін. 2, 11,—Дѣян. 13, 23, Ефес. 5, 23,—Филипп. 3, 20, 1 Тим. 1, 4,—2, 13,—3, 6,—1 Ін. 4, 14), „начальникъ жизни“ (ср. Дн. 5, 31 съ Евр. 2, 10 и 12, 2 ср. Іоан. 1, 4,—3. 15. 16. 36,—5, 21. 26,—6, 35,—11, 25,—14, 6,—1 Іоан. 1, 1—2.—5, 20, Іуд. 21,—1 Кор. 15, 22. 45), „начальникъ совозстающей съ Богомъ Отцомъ на престолъ славы“ (но ср. Мтѣ. 25, 31 сл. Мк. 16, 19 по *Керт.* Лк. 24, 51 *Керт.* Дн. 1, 9,—Іоан. 12, 32, 34 ср. 3, 14,—Филипп. 2, 9—11, Ефес. 4, 8 сл. 6, 9,—1 Тесс. 4, 16,—2 Тесс. 1, 7,—Евр. 8, 1,—12, 2 др.), „Господь всѣхъ“ (но ср. Мтѣ. 4, 7 пар. Лк. 4, 12,—Мтѣ. 7, 22,—12, 8 пар. Лук. 6, 5,—Мтѣ. 22, 43—45 и пар. Мрк. 12, 36—37, Лк. 20, 42—44, Мк. 16, 19—20 *Керт.* Іоан. 20, 28,—21, 17,—Дн. 7, 59—60 въ рѣчи арх. Стефана,—13, 47—48, въ рѣчахъ Ап. Павла 21, 13,—26, 15,—28, 31—въ словахъ Дѣписателя,—Рм. 1, 4,—4—24,—10, 12,—1 Кор. 2, 8,—8, 5,—Ефес. 6, 9,—Филипп. 2, 11,—1 Тесс. 4, 16—17,—2 Тесс. 1, 7,—Іуд. 4,—Апок. 11, 8. 15,—20, 20. 21), „судія, Который придетъ судить живыхъ и мертвыхъ“ (но ср. Мтѣ. 7, 22—23,—12, 18. 20,—25, 31 дал. Іоан. 5, 22—29 др. 2 Тим. 4, 1, 8).

Изъ данныхъ параллелей видно, сколь сами по себѣ общи

и мало индивидуальны указываемыя авторомъ особенности хринологіи Ап. Петра. Это сознаетъ и самъ авторъ, если, желая индивидуализовать ихъ въ отношеніи къ Ап. Петру, ставитъ ихъ въ ближайшую связь съ ветхозавѣтно-мессіанской терминологіей. „Для выраженія христіанскаго ученія о лицѣ Господа Іисуса Христа Ап. Петръ пользуется языкомъ, образами и терминами ветхозавѣтныхъ пророковъ“ (стр. 344—345). Другими словами: Ап. Петръ учитъ о Христѣ такъ же, какъ и другіе новозавѣтные писатели, но только „языкомъ, образами и терминами ветхозавѣтныхъ пророковъ,—творцами новой терминологіи для выраженія новыхъ понятій были, главнымъ образомъ, апостолы Павелъ и Іоаннъ, Петръ же примѣнялъ къ новозавѣтнымъ исполненіямъ терминологию ветхозавѣтныхъ чаяній“. Такимъ образомъ изъ области „*понятій*“ дѣло переводится къ „*стилю*“.

Однакожь и здѣсь авторъ не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, если сейчасъ же заявляетъ: „хотя этотъ же пріемъ можно наблюдать и у *другихъ новозавѣтныхъ писателей*, но ни у одного изъ нихъ онъ не проводится съ такою *последовательностію и настойчивостію*, какъ у Ап. Петра.“ Получаются уже не особенности вѣроученія, а простыя стилистическія разности, и притомъ въ отношеніи количественномъ, а не качественномъ.

Наконецъ послѣднюю попытку отстоять позицію авторъ дѣлаетъ въ заявленіи, что „приведенные термины Ап. Петромъ употребляются въ качествѣ *эпитетовъ или именъ* Христовыхъ, тогда какъ у другихъ писателей новозавѣтныхъ они, встрѣчаясь изрѣдка, употребляются въ отношеніи ко Христу, въ качествѣ *предикатовъ* или *образныхъ выраженій* о Немъ,—и большею частью въ буквальныхъ цитатахъ пророчествъ“ (ibid). Но это ужъ совсѣмъ несущественное различіе, притомъ въ терминологіи и стилистикѣ, а не въ хринологіи и вѣроученіи.

Тоже самое наблюдается и въ разсужденіи автора объ эсхатологіи Ап. Петра (стр. 346 сл.). „Эсхатологическія представленія, послѣ благовѣстія о Христѣ Іисусѣ, можно сказать, составляютъ самый характерный пунктъ въ богословіи рѣчей. Св. Петра называютъ Апостоломъ надежды“.

Но замѣчательно: въ рѣчахъ Ап. Петра глаголъ *ἐπιζητεῖ* не имѣется, а существительное *ἐπίς*—только разъ въ ци-

татѣ изъ псалма [Дн. 2, 26], тогда какъ у Ап. Павла и въ рѣчахъ [Дн. 23, 6,—24, 15,—26, 6,—28, 20] и въ посланіяхъ [особенно: Рим. 4, 18,—5, 2—5,—3, 24—25,—15, 13,—1 Кор. 9, 10,—13, 7, 13,—15, 19,—2 Кор. 3, 12,—Еф. 1, 18—Кол. 1, 5. 23. 27,—Евр. 11, 1,—1 Тесс. 4, 13 ср. Еф. 2, 12,—1 Тесс. 5, 8,—2 Тесс. 2, 16,—1 Тим. 4, 10,—Тит. 2, 13 др. 1 П. 3, 3], мы постоянно встрѣчаемъ это понятіе.

„Дни какъ перваго такъ и втораго пришествія Христа на землю, по терминологіи ветхозавѣтныхъ пророковъ, Апостоль называетъ „послѣдними днями“. Но ср. Іоан. 6, 39. 40. 44. 54,—11, 24,—12, 48,—2 Тим. 3, 1 ср. 1 Кор. 15, Евр. 1, 2,—Іак. 5, 3,—1 Іоан. 2, 18,—Іуд. 18.

Затѣмъ къ „день Господень“, день „кризиса“, „суда“ ср. Матѣ. 10, 15,—11, 22. 24,—12, 36,—1 Кор. 1, 8,—5, 5,—2 Кор. 1, 14,—Филип. 1, 6. 10,—2, 16,—1 Тесс. 5, 2,—2 Тес. 2, 2,—1 Ін. 4, 17,—Іуд. 6,—Апок. 16, 14.

Къ „доколѣ не совершится опредѣленная данному періоду задача, не можетъ настать новая эпоха, (доколѣ не завершится „апокатастасисъ“, Христу „надлежитъ“ быть на небѣ“) ср. 1 Кор. 15, 24—28. Къ „царству неуядаемыхъ благъ на повомъ небѣ и новой землѣ“ ср. 1 Кор. 2, 9.

Наконецъ въ отдѣлѣ о „христіанскомъ правоученіи“ Апостола, авторъ даетъ въ общемъ психологически вѣрное и тонкое наблюденіе, что „всю сумму христіанскихъ чувствъ благоговѣнія, преданности и любви къ Богу онъ обозначаетъ ветхозавѣтнымъ терминомъ „страхъ Божій“; термина „любовь“ въ отношеніи къ Богу онъ почти не примѣняетъ. Если онъ говоритъ о Христѣ: „Егоже любите, не видѣвше“ (1 П. 1, 8), то имѣетъ въ виду Христа, какъ Богочеловѣка, Котораго читатели посланія не видѣли. Но о любви къ Богу онъ ни разу не говоритъ“ (стр. 348). Но въ дальнѣйшемъ и болѣе частномъ раскрытіи это утвержденіе должно встрѣтиться съ тѣмъ явленіемъ, что и во всей книгѣ Дѣяній ни разу не встрѣчаются ни *αγάπη*, ни *αγαπᾶν*, и только однажды *αγαπητός* о Варнавѣ и Павлѣ. (Дѣян. 15, 25).

Также и дальнѣйшее утвержденіе автора: „сообразно съ такимъ опредѣленіемъ отношенія къ Богу, Ап. Петръ въ ряду добродѣтелей особенное значеніе придаетъ повиновенію и „послушанію“ [idid.] встрѣчаетъ серьезное ограниченіе въ постоянныхъ призывахъ Апост. Павломъ своихъ читателей

къ „страху Божию“ и повиновенію во всѣхъ Его законныхъ отношеніяхъ (Рм. 1, 5,—6, 16—17,—13,—1, 5,—2 Кор. 5, 11,—7, 1,—10, 5—6,—Ефес. 5, 21—24. 33,—6, 1—5,—Кол. 3, 18,—22, Филип. 2, 12,—Филим. 21,—Евр. 4, 1.—11, 8,—12, 9,—1 Тим. 5, 20,—Тит. 2, 5. 9,—3, 1,—Іак. 4, 7,—Іуд. 23). Послѣднее замѣчаніе, что „Ап. Петръ, какъ человекъ открытаго, прямого характера, не знавшій различія между словомъ и дѣломъ, видимо, особенно гнушался порокомъ лицемерія, и потому въ назиданіяхъ своихъ онъ постоянно повторяетъ о каждой добродѣтели, что она должна быть „нелицемерною“ и, говоря о Богѣ, въ рѣчахъ и посланіяхъ часто напоминаетъ, что „сердцевѣдецъ Богъ“ нѣсть „лицеприимецъ“, что онъ знаетъ сердца людей и судитъ „нелицемерно коемуждо по дѣломъ его“ (ст. 349).—весьма ослабляется въ виду Гал. 2, 11—14, Рим. 2, 11,—Ефес. 6, 9,—Кол. 3, 25,—Іак. 2, 1. 9,—Рим. 8, 27,—2 Кор. 4, 5 ср. еще Рм. 12, 9,—2 Кор. 6, 6,—8, 8,—1 Тим. 1, 5,—2 Тим. 1, 5,—Іак. 3, 17 др.

Сдѣланныя замѣчанія даютъ оцѣнку и заключенію автора (стр. 349): „Итакъ мы видимъ между рѣчами Ап. Петра въ Дѣянїяхъ и посланїями удивительное совпаденіе въ основныхъ пунктахъ и духъ ученїя... что даетъ убѣдительное доказательство принадлежности ихъ по содержанію Ап. Петру“.

Да,—мы это *видимъ* у автора,—и раскрытіе этого есть одна изъ достохвальныхъ сторонъ его работы. Но конечный выводъ автора былъ бы обоснованъ прочнѣе и раскрытъ полнѣе, если бы мы еще и „не *видѣли*“ подобныхъ же совпаденій между рѣчами и посланїями Ап. Петра съ одной стороны и рѣчами и посланїями другихъ новозавѣтныхъ лицъ,—если бы авторъ имѣлъ въ виду всѣ, какъ выше нами указанныя, такъ и не указанные другія совпаденія и далъ бы имъ соотвѣтствующія объясненія.

Въ заключеніе, чтобы покончить съ этимъ очеркомъ, отмѣтимъ нѣсколько частныхъ, вызываемыхъ имъ, недоумѣній.

На стр. 335 авторъ говоритъ о „преклонномъ возрастѣ“ Апостола Петра при жизни Господа, а на стр. 342 замѣчаетъ: „онъ одинъ изъ первыхъ устремляется ко гробу, и только старость мѣшаетъ ему прїйти раньше Іоанна“. Однажъ автору не мѣшало бы точнѣе представлять себѣ воз-

расть Ап. Петра въ то время, а также имѣть въ виду, что евангелистъ ничего не говоритъ о старости Петра и молодости „другого ученика“ прибѣжавшаго скорѣе ко гробу Спасителя (Іоан. 20, 3—4), — что этому „другому ученику“ уже около столѣтній возрастъ не служитъ препятствіемъ въ горахъ догонять молодого разбойника (Климентъ Алекс. „Какой богачъ спасется“),—и что самъ Петръ готовъ былъ съ мечемъ броситься на вооруженный отрядъ архіерейскихъ слугъ (Самъ Іоаннъ Богословъ несомнѣнно былъ одного возраста со Христомъ).

Въ характеристикѣ личности Ап. Петра между прочимъ по чему то опущены: Гал. 2, 11 сл. Іоан. 21 гл. (вопросъ Ап. Петра къ Господу объ Іоаннѣ), характерный рассказъ о явленіи Господа Петру предъ кончиною его,—еврейскія преданія, что Ап. Петръ былъ поэтъ и составлялъ еврейскія стихотворныя молитвы.

На стр. 354 авторъ утверждаетъ будто „объ апостолѣ Петрѣ извѣстно, что онъ не вполнѣ свободно владѣлъ греческимъ языкомъ и пользовался услугами св. Марка какъ толмача“ (354).

Но во 1-хъ, греческій языкъ былъ не менѣе арамейскаго распространенъ въ Палестинѣ (ср. Дн. 21, 40; 22, 2: народъ приготовился слушать рѣчь Ап. Павла на греческомъ языкѣ и усилилъ вниманіе, когда сверхъ ожиданія Апостоль заговорилъ по-еврейски). Во 2-хъ, древне-еврейское преданіе о литературной дѣятельности Ап. Петра предполагаетъ у него извѣстное образованіе литературное. Въ 3-хъ, утвержденіе автора основано на незнакомствѣ его съ свидѣтельствомъ Папія, сообщающаго, что „Маркъ былъ толмачемъ Петра (*ἑρμηνεύτης πέτρον γενόμενος* Евс. И. Ц. III, 39. 4), причемъ это выраженіе можно понимать и въ общемъ смыслѣ: „Маркъ написалъ евангеліе подъ руководствомъ Ап. Петра“, или же въ смыслѣ переводчика на *латинскій* языкъ. Въ 4-хъ, наконецъ, нашъ авторъ, повидимому, опустилъ изъ вниманія, что и церковь усволяетъ Ап. Петру два греческія посланія (неужели и эти посланія переведены съ арамейскаго? И посланія эти, по нашему мнѣнію, написаны очень рано,—именно въ эпоху третьяго путешествія апостола Павла и его первыхъ узъ).

Также „поразительный примѣръ подобнаго рода передачи (совершенно точной по содержанію) представляютъ намъ

синоптики“ (стр. 354) можетъ утратить значительную долю поразительности и даже доказательности въ виду того, что въ наукѣ доселѣ не установлено: пользовались ли синоптики устнымъ или же письменнымъ источникомъ,—и на какомъ языкѣ.

Впрочемъ, самъ авторъ видимо сознаетъ эскизный характеръ этихъ замѣчаній своихъ объ особенностяхъ вѣроученія и стиля рѣчей Ап. Петра въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, если не рѣшается выдѣлить ихъ въ особую главу, а пишетъ ихъ въ видѣ коротенькаго заключенія, даже „вмѣсто заключенія“.

II.

Не претендуя на безусловную научную цѣнность своего труда, самъ авторъ ограничивается „*историко-экзегетическою*“, вѣрнѣе апологетико-экзегетическою „задачею“ (стр. III), т. е. составленіемъ обычнаго комментарія на тѣ отдѣлы книги Дѣяній, гдѣ содержатся рѣчи Ап. Петра и историческія обстоятельства ихъ произнесенія,—причемъ рѣчамъ Ап. Петра экзегетическаго вниманія удѣляется нисколько не болѣе, чѣмъ историческимъ разсказамъ. Такимъ образомъ рецензентъ уполномочивается предъявлять къ труду проф. Мищенко требованія только на *условную научную цѣнность* историко-экзегетическаго изслѣдованія.

Примѣняя же къ нему мѣрило современнаго научнаго комментарія, рецензентъ обязанъ дать отчетъ о немъ съ слѣдующихъ сторонъ: 1) библиографической, 2) текстологической, 3) филологической, 4) историко-археологической и 5) богословско-идеологической.

1) *Библиографія*. Прежде всего въ отношеніи къ древнехристіанской литературѣ,—исключая конечно произведенія, доселѣ остающіяся недоступными для пользованія даже и европейскимъ теологамъ, какъ изданный мексиканцами комментарий на Дѣянія Св. Ефрема Сирина въ армянскомъ переводѣ,—авторъ вслѣдъ за своими иностранными руководителями, цитуетъ всѣхъ, доселѣ изданныхъ, впрочемъ весьма немногихъ, комментаторовъ книги: Златоуста, Икуменія, Теофилакта и по Катенамъ Крамера—Аполлинарія, Аванасія, Дидима, Кирилла Александрійскаго и др. Но преимущественнымъ и превосходнѣйшимъ руководителемъ автора служить св. Златоустъ. Въ качествѣ дефекта можно указать на отсут-

ствіе нѣкоторыхъ древне-греческихъ толкованій на отдѣльныя мѣста книги Дѣяній: Максима Исповѣдника на обращеніе Корнилія (Migne, 90, 352 sq), Исидора Пелусіота на 3, 22 (Migne 78, 797 sq), Василия Селевкійскаго на исцѣленіе хромого (Migne 85, 253), Анастасія Синаита на 10, 35 (Migne 89, 708 sq); и древнихъ латинскихъ экзегетовъ: Евхерія, Аратора, Кассіодора, Августина на 10 гл. Дѣяній, Адульфа, Беды, Петра Дам., а также древне-отеческихъ толкованій на приводимыя въ рѣчахъ Ап. Петра мѣста изъ ветхозавѣтныхъ книгъ—псалмовъ и пророковъ: Евсевія, Θεодора Мопс., Аванасія, Василия Великаго, Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Θεодорита, Иларія, Амвросія, Августина и др. Странною представляется цитация Евсевія Кесарійскаго по Blass'у (Acta Apostolorum) и Августина по Тишендорфу (стр. 32).

Изъ новѣйшей литературы автору извѣстны почти всѣ русскіе труды, такъ или иначе относившіеся къ его работѣ: Михаила, Полотебнова, Барсова, Николина, Олесницкаго, Покровскаго, Норова, Красносельцева, Помяловскаго, Дмитріевскаго, Васильевскаго, Никанора, Ястребова, Богдашевскаго, Горскаго, Переферковича, Рыбинскаго, Арфаксадова, Комарова, Глубоковскаго и др.

Но главный научный фондъ книги г. Мищенко составляетъ иностранная, исключительно нѣмецкая литература: экзегетическая: Bengel, De-Wette, Kuinoel, Olshausen, Lange-Lechler, Baumgarten, Overbeck, Zöckler, Stier, Köhler, H. Holtzmann, Blass, Felten, Knabenbauer, Nösgen, Meyer-Wendt,—исагогическая: Eichhorn, Schneckenburger, Meyerhof, König, Hilgenfeld, Sorof, Vogel, Kähler, Zahn, Clemen, Joh. Weiss, Feine, Spitta, Böhl, Dittmann, O. Holtzmann, Jüngst, Morich, E. Scharfe, Zahn, др.—смѣшаннаго характера: Hofmann (Weiss u. Erfüllung), Holsten (Zum Evang. d. Petrus und Paulus), Baur (Paulus), Zeller, Lekenbusch, B. Weiss, Jäger, — историко-археологическія: Vitranga, Weingarten, Mothes, Nowack, Schürer,—текстологическія: Blass, Tischendorf, Weiss, Westcott-Hort,—филологическія: Blass, WinerLünemann, Cremer и др. нѣк.

Какъ ни длинецъ этотъ списокъ поцитованныхъ авторомъ нѣмецкихъ работъ, однакожъ онъ далеко не законченъ. Не говоря уже о полномъ отсутствіи англійской—преимущественно исагогико-экзегетической, филологической и историко-археологической литературы,—мы не находимъ у него

даже такихъ классическихъ и выдающихся трудовъ, написанныхъ на нѣмецкомъ или латинскомъ языкахъ, какъ: Lightfoot, Schoettgen, Wetstein, Wünsche, Deissmann, Tregelles, Weizsäcker (только одна глухая ссылка на 312 стр.), Winer Schmiedel (неоконч.), Jülicher, Harnack и другихъ многихъ,—особенно по специальнымъ вопросамъ и по частнымъ сторонамъ темы, напр. по изслѣдованію ветхозавѣтныхъ мѣстъ въ рѣчахъ Ап. Петра (Field, Holmes-Parsons, Таргумы, переводы и т. д. ¹⁾).

Но болѣе всего можно пожалѣть о незнакомствѣ автора съ трудомъ А. Harnack'a: Lucas der Arzt der Verfasser des dritten Evangeliums und der Apostelgeschichte, Leipzig, 1906, 17 Mai. Знакомство это было бы весьма важно для автора въ методологическомъ отношеніи, при раскрытіи и уясненіи особенностей богословія и стиля рѣчей Ап. Петра. Правда, Гарнакъ занятъ изслѣдованіемъ стиля самого Дѣписателя. Но доведенную у него до виртуозности методу микроскопическаго изслѣдованія характеристикъ стилистики авторъ уже самостоятельно и легко могъ бы примѣнить къ своему специальному предмету. Кромѣ того трудъ Гарнака могъ бы значительно расширить и весь вообще горизонтъ стилистическихъ наблюденій автора, много углубить его изслѣдованія съ этой стороны и тѣмъ придать ему болшую научную устойчивость.

Но это—по частнымъ сторонамъ изслѣдуемаго авторомъ предмета. Въ общемъ же указанные дефекты не отражаются вредно на трудѣ автора благодаря тому, что имъ прекрасно изученъ главный фондъ нѣмецкой экзегетики по данному вопросу. Незнакомство автора, какъ съ указанными, такъ и съ многочисленными неуказанными мною, иностранными работами сказывается только въ ходѣ изслѣдованія, а не въ конечныхъ его выводахъ, строяемыхъ у новѣйшихъ экзегетовъ на основаніи всесторонняго изученія литературы предмета (Feltgen, Knabenbauer, Meyer-Wendt др.), откуда авторъ усваиваетъ ихъ и въ свое изслѣдованіе. А для широкой читающей публики русской этость недостатокъ можетъ даже оказать пользу, освобождая работу автора отъ тяжелаго литературнаго балласта и тѣмъ располагая къ себѣ русскихъ читателей, такъ не любящихъ этого балласта.

(Продолженіе будетъ).

М. Муретовъ.

¹⁾ Сюда же надо отнести неточное употребленіе терминовъ: „Старо-тубингенская школа и тубингенцы“ стр. 14, 311 др.